

от отца к сыну без изменений (по крайней мере у Игоря и его сына Святослава он несомненно одинаков). Первые изменения исходной схемы тамга Рюриковичей претерпевает тогда, когда прежнее внутридинастическое единство нарушается при сыновьях Святослава Игоревича. Появление дополнительного элемента в знаке Владимира Святославича — третьего зубца — было связано, скорее всего, с желанием противопоставить традиционному двузубцу киевского князя, унаследованному Ярополком Святославичем, несколько отличную от него эмблему. Так началось использование системы «отпятнышей» для образования новых вариантов старого родового княжеского знака. Полное развитие оно получило с окончательным разделением Рюрикова дома на обособленные ветви (ср.: Мономашичи смоленские и суздальские, Святославичи—Ольговичи черниговские и другие четко выделяемые летописцами в XII—XIII вв. ветви), представители которых использовали тамги особых разновидностей. Если до середины XI в. обладание лично-родовым знаком, выступающим одновременно в качестве государственной геральдической эмблемы, остается, по-видимому, официально признанной привилегией киевского князя, а одновременное употребление его другим членом княжеского рода связывается всегда с его честолюбивыми устремлениями в отношении захвата или раздела верховной власти в государстве (именно поэтому от первой половины XI в. известны тамги лишь Святополка Окаянного, Ярослава Мудрого и Мстислава Храброго), то в XII—начале XIII в. правом пользования своим индивидуальным знаком обладают уже многочисленные представители различных линий разросшегося рода Рюриковичей в Киеве, Новгороде, Владимире, Чернигове, Смоленске и т. д. И как следствие этого на первую половину XIII в. падает кризис русской княжеской геральдики: лежавшая в основе употребления лично-родовой тамги Рюриковичей система «отпятнышей» полностью исчерпывает возможности своего применения, а сама тамга оказывается вынужденной уступить место территориально-родовым и сугубо индивидуальным геральдическим эмблемам.⁵⁹

Е. Ч. СКРЖИНСКАЯ

ПЕЧАТЬ НИЛА

(Киевская находка 1976 г.) *

В начале 1977 г. Е. Ч. Скржинская узнала о найденной во время раскопок 1976 г. в Киеве печати с греческой надписью (рис. 1, 2). Обстоятельства находки (поздняя яма, выкопанная в культурном слое не только XIII, но и XII—XI вв.) не позво-

⁵⁹ Ср.: Янин В. Л. Княжеские знаки..., с. 16.

* Публикация подготовлена А. К. Гавриловым.

Рис. 1. Византийская свинцовая печать. Лицевая сторона. Увеличено.
Киев, раскопки ротонды, 1976 г.

ляли сколько-нибудь определенно приурочить памятник в отношении времени. Первое упоминание о находке печати появилось в журнале «Наука и жизнь» (1977, № 4, с. 58—61). В ходе раскопок 1977 г. той же Киевской экспедицией был найден более дефектный второй экземпляр этой печати. Обе находки были опубликованы П. П. Толочко и Я. Е. Боровским,¹ которые высказали мнение о византийском происхождении и ранней (XI—XII вв.) датировке этих печатей.

С начала 1977 до осени 1980 г. Елена Чеславовна неустанно занималась всесторонним обследованием «печати 1976 гг.», в которой отнюдь не сразу удалось ей распознать «печать Нила» (первое слово легенды, дающее это имя, читается хуже других). В ее архиве сохранилось более тысячи написанных от руки страниц и листов с разнообразным материалом, который должен был послужить солидным основанием для исчерпывающего изучения этого небольшого памятника и для аргументированного изложения выводов. Подбираются параллели ко всем привлечшим внимание исследователя языковым чертам надписи; с не меньшей

¹ Археологические открытия 1977 г. М., 1978, с. 390—391.

Рис. 2. Византийская свинцовая печать. Обратная сторона. Увеличено.

тщательностью изучается иконографический материал, позволяющий дать общую оценку изображения Феодора Стратилата на лицевой стороне печати; значительную долю заготовок занимают выписки из историков и соображения по наиболее трудному вопросу об атрибуции печати — именно эта сторона дела оставалась в данном случае гипотетической, что не удовлетворяло критическую взыскательность ученого. Занятия греческой и русской сфрагстикой увлекли Елену Чеславовну, которая систематически и вместе целенаправленно изучала труды Витальена Лорана, Н. П. Лихачева, В. Л. Янина, А. В. Банк, М. К. Каргера и ознакомилась также с трудом П. П. Толочко, появившимся уже в 1980 г., и с другими новыми исследованиями по истории Киева. В ходе работы появлялись новые темы и новые соображения по вопросам, занимавшим исследователя раньше: о греческой печати Феодано (Феофании) Музалон, о смысле выражения «дньѣслово» на легендах русских печатей, отдельные заметки к задуманным статьям о половцах, о высылке русских князей в Царьград, о византийском посольстве 1163 г., о княжестве Дорн в Крыму и др.

Болезнь и смерть прервали эту энергичную работу, и результаты, непрестанно обдумываемые, так и не были ни разу изложены в цельном очерке. Во множестве набросков по отдельным аспектам исследования было бы трудно разобраться, однако

Е. Ч. Скржинская, к счастью, имела обыкновение пометать дату своих записей, а нередко и фиксировать некоторые важные моменты в ходе работы: от предварительного чтения и перевода в наброске письма к П. П. Толочко от 8 II 1977 к тому прочтению, которое предлагается в настоящей публикации; от уверенности в ранней датировке печати — к предположению датировки поздней; от анонимной прозаической легенды — к легенде метрической с именем Нила; от поисков исторических лиц, для которых Феодор Стратилат мог быть патрональным святым — к попыткам отождествить Нила и к большей осторожности в этих вопросах. Благодаря этим записям, наброскам плана, а также тому обстоятельству, что автор этих строк, встречаясь с Еленой Чеславовой в 1977—1981 гг., неоднократно имел случай наблюдать за ходом этой работы (особенно в том, что касается филологической стороны дела), оказалось возможным выделить прежде всего отрывки, написанные весной 1980 г. в Киеве и представляющие собой наиболее зрелую стадию исследования, а затем отобрать некоторые материалы, восходящие к предыдущим этапам работы, когда они соответствуют тем представлениям о памятнике, к которым исследовательница пришла впоследствии.

То, что предлагается читателю ниже, представляет собой, таким образом, композицию, составленную из набросков. Те, кому памятен стиль Е. Ч. Скржинской, узнают, нам кажется, и здесь ее руку. Тем не менее мозаичная техника имеет свои законы, и нам приходилось не только подгонять друг к другу готовые абзацы, но и убирать в интересах ясности изложения, которые были так дороги автору, неизбежные при длительном и фрагментарном способе работы повторения и легкие противоречия. Иногда в ткань изложения нам казалось целесообразным ввести имеющее значение замечание, сохранившееся в другом, рабочем варианте, более отрывочном по стилю. Как правило, мы старались сохранить при этом выражения, принадлежащие самой Е. Ч. Скржинской, хотя бы и с некоторыми переборами в стиле. Разделы, которые ею усиленно разрабатывались, но ни разу не были изложены полностью, нам пришлось опустить.

Наконец, учитывая то, что цельного наброска статьи нет, следует рассматривать предлагаемую ниже публикацию как весьма приблизительное отражение того, что рисовалось Е. Ч. Скржинской в замысле и, разумеется, было бы много богаче, если бы замысел осуществился вполне. Наиболее законченной представляется нам филологическая часть исследования; иконографическая сторона дела могла быть представлена здесь лишь частично; собственно историческая часть не случайно кончается, как в одном из набросков, — вопросом.

Однако и в такой форме основные итоги исследования Е. Ч. Скржинской имеют несомненную научную ценность, окончательные ли то суждения или же мысли, подлежащие обсуждению. Обширные материалы, посвященные изучению небольшого памятника, наглядно говорят об исследователе, не жалею-

щем себя ради выяснения научной истины, и живо напоминают Елену Чеславовну, находившую удовлетворение в самом процессе труда, умевшую до конца своих дней учить и учиться, говорить и слушать других.

Труд свой Е. Ч. Скржинская собиралась посвятить памяти Н. П. Лихачева, «историка и археолога, палеографа, дипломатиста и сигиллографа». На обложке одной из тетрадей сохранилась и другая помета: «Приношу благодарность за советы А. И. Доватуру, Я. М. Боровскому, В. С. Шандровской, А. В. Банк, А. П. Каждану, А. К. Гаврилову».

Печати, эти маленькие, но выразительные исторические памятники, при их нередко недостаточной сохранности требуют исследования тщательного и организованного, со строгой классификацией типов и с осторожными выводами и догадками. Так работал зачинатель русской сфрагистики Н. П. Лихачев, так работал, освещая огромное количество византийских печатей, В. Лоран, так работает над печатями Древней Руси В. Л. Янин. И настоящее скромное исследование печати, неожиданно найденной в Киеве, земля которого пока не выдает заметного количества печатей, как это наблюдается на новгородском Городище, мы строим по темам и приемам вышеназванных крупнейших специалистов: выявление внешних признаков печати, ее типа; изучение ее содержания, выраженного в надписях на лицевой и оборотной сторонах; анализ иконографии; установление хронологии; попытка атрибуции и, наконец, оценка исторического значения печати. Основная масса византийских печатей относится к периоду VI—XIII вв., более поздние встречаются гораздо реже. Например, печатей XIV—XV вв. в Эрмитаже единицы. В любом случае Киевская печать с изображением Феодора Стратилата на лицевой стороне и с греческим текстом на оборотной, при ее к тому же хорошей сохранности, представляет собой сфрагистическую ценность.

Киевская печать 1976 г. отличается весьма крупным размером. Общий диаметр нашей печати 40—45 мм, а ее «поля» — 30 мм.

Величина печати свидетельствует о моде времени и может помочь датировке. Малые печати были распространены в Византии в X—XI вв., а на Руси — в XI—XII; позднее возник вкус к более крупным. Есть основания считать большую величину печати признаком высокого сана ее владельца, но нельзя забывать о том, что со временем легенды печатей удлинились, а наряду с изображениями единичных святых появились изображения целых сцен (например, благовещения, богоявления, преображения), парных святых (например, Петра и Павла, Космы и Дамиана, на Руси — Бориса и Глеба). И увеличившиеся строчные надписи, и многофигурные сцены требовали большей площади. Однако на нашей печати этого нет: ее легенда невелика, а поясное изображение

св. Феодора с его «однобоким» эпитафием обычно. Внушительная величина печати, скорее всего, говорит о важном общественном положении ее владельца, хотя его имя и не сопровождалось титулом. На лицевой стороне печати (рис. 1) вдоль поясного изображения воина в нимбе помещен по обычаю эпитафия — надпись с именем святого. Это популярное как в Византии, так и на Руси имя Феодор. Оно дано в сокращенном виде, одними согласными, которые расположены попарно, причем «зеркально», на двух строках: $\Delta\theta = \theta\langle\omega\rangle\Delta\langle\omega\rangle$ и $\Sigma\rho = \rho\langle\omega\rangle\Sigma$. Над именем находится слог ГН, который следует объединить с поставленным выше его условным изображением эпитета $\alpha\gamma\iota\omicron\varsigma$ как А — альфа, зеркально изображенная в кружке. Здесь явно выступает малограмотность резчика, который, как видно, не понимал обычного обозначения при имени святого: он считал кружок с альфой просто буквой «а», после которой поставил второй слог ГН = $\gamma\iota$, а окончание $\omicron\varsigma$ перенес на другую сторону фигуры, где и виднеется сигла $\omicron\varsigma$ на свободном месте выше левого плеча св. Феодора.

В образе св. Феодора, вопреки традиции, допущены неправомерности и ошибки, если не искажения; на его голове высится нечто вроде шапки. Напомним, что, по утвердившейся иконографии этого святого, он всегда изображался с пышными, кудрявыми волосами, охваченными диадимой, т. е. головной повязкой или обручем, но никак не в шапке. Приходится предположить, что резчику матрицы были неизвестны обычно соблюдавшиеся агиографические черты именно св. Феодора; более того, в данном случае резчик осмыслил их по-своему — как шапку, введя неожиданную деталь в привычный образ известнейшего персонажа византийско-русской агиографии. Так только и можно объяснить нелепый головной убор на воине Феодоре: не понятая гравировщиком диадима превращена в некое подобие меховой опушки, а пышно лежащие волосы выше диадимы оказались верхушкой шапки. На голове Феодора настоящая княжеская меховая шапка, которая является непременной на изображениях (на печатях, на иконах) братьев-князей Бориса (Романа) и Глеба (Давида),² а как пример традиционного изображения св. Феодора можно привести византийскую мозаичную иконку XIV в., хранящуюся в Эрмитаже.³ Здесь вполне ясно видны и выходящие волосы, и стягивающая их диадима.

Другой ошибкой, и также с оттенком нелепости, представляется изображение одежды святого. Дело в том, что поясное изображение св. Феодора дано на Киевской печати в виде воина с копьем и щитом (иногда Феодор бывает представлен не как

² Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970, т. 1, свод № 167, 193, 217, 218, 333, 354.

³ См.: Банк А. В. Св. Феодор Стратилат из Эрмитажа. Икона, мозаика. — В кн.: Византийское искусство в собраниях Советского Союза. М., 1966, с. 374, табл. 250 с пояснениями.

воин, а как мученик, с мученическим крестом у груди).⁴ Плаща на нем не видно, хотя эта часть воинской одежды обычно бывает заметна. На фигурах воинов в рост в большинстве случаев видны следы пряжки или фибулы, скрепляющей края длинного (до голеней) плаща, откинутого за спину. Чаще всего фибула помещена на груди воина, почти под подбородком. Нечто вроде круглой застежки заметно и на груди св. Феодора, как он изображен на нашей печати, но что фибула скрепляет — неясно, так как помещена эта «застежка» на чем-то вроде бордюра с орнаментальными точками, протягивающегося горизонтально от плеча к плечу. Из-под этой украшенной каймы идут вниз многочисленные складки широко ниспадающей ткани, из которой высовывается правая рука с копьем, склоненным косо вдоль груди к левому плечу. Подобное изображение плаща непонятно; он как бы собран под указанный бордюр, который едва ли может его удерживать, но, по представлению резчика, охватывает тело воина поверх нижней одежды, рукав которой у кисти руки с копьем. Здесь явно, что мастер не понимал, что он гравировал, и не думал о том, что создаваемая им картина нелепа. Эта ошибка с плащом намекает на копирование сюжета, неясного для исполнителя матрицы.

Следы неудачного воспроизведения заметны также в изображении копья и щита. В целом эти наблюдения наряду с прочими соображениями указывают, как нам представляется, на трудное для Киева, т. е. позднее, время — XIII—XIV вв.

В том же направлении ведет и исполнение греческой надписи, которая находится на оборотной стороне печати; текст расположен на четырех ровных, почти прямых строках (только немногие буквы поднялись выше общего уровня). Бросаются в глаза на концах линий, образующих буквы, за исключением буквы «О», круглые выпуклые точки, что как бы «пестрит» рисунок надписи.

После хрисмона следует текст:

NEIA...	Nei[ou]
IPAFON TON	γραφων ΤΟΝ
KYPOC O CTPA	κῆρος ὁ Στρα-
TNAAITHC	τηλάτης

Надпись хорошо сохранилась, и хотя некоторые буквы сбиты, а рельеф их сгладился, даже испорченные буквы просматриваются; впрочем, у резчика нет достаточной строгости в исполнении отдельных букв, а лигатура IP = γρ повторена как будто и в последнем слове надписи, так что ΣIP = στρ. Еще примечательнее, что начертание H передает то η (несомненное в последнем слове στρατηλάτης), то υ (в конце слова γραφων), хотя в первом слове, где удастся прочесть Neίλου, этот звук передан знаком N. В этой ситуации перед нами встает ответственный вопрос: за какую букву принять это начертание в слове ΤΟΝ?

⁴ Я п и п В. Л. Актовые печати..., т. 1, № 324—325.

Если признаем здесь ν , то получаем очень странную форму $\tau\omicron\nu$, которая весьма неожиданна в правильном греческом предложении, каким в остальном является наша надпись. В самом деле, решимся ли мы предположить влияние флексии имен существительных на местоименное окончание артикля, т. е. что за $\tau\omicron\nu$ мыслится местоимение среднего рода $\tau\omicron$ при слове $\chi\omicron\rho\omicron\varsigma$? Но нужны примеры такого серьезного грамматического перебоя, да и удивительно было бы полагать, что составитель надписи, зная, например, к какому грамматическому роду относится слово $\chi\omicron\rho\omicron\varsigma$, не знал артикля среднего рода! Вообще говоря, слово $\chi\omicron\rho\omicron\varsigma$ и даже выражение $\gamma\rho\alpha\phi\omega\nu$ $\chi\omicron\rho\omicron\varsigma$ не является чем-то исключительным: один пример находим в корпусе Лорана,⁵ другой — с легкой и совершенно надежной поправкой — на так называемой «Давидовой печати».⁶ Стоит, однако, отметить, что в рассматриваемой нами легенде выражение это использовано по-своему, со смелым опущением связки и вполне по-гречески (другие конструкции с $\chi\omicron\rho\omicron\varsigma$ или $\chi\omicron\rho\omicron\omega$ см. у Лорана).⁷

Точно так же трудно предполагать, что конечное ν появилось в конце интересующего нас маленького слова благодаря механической ошибке гравировщика — под влиянием, скажем, окончания предыдущего слова. Это было бы неправдоподобно применительно к достоинству языка и исполнения, несмотря на упомянутые выше несовершенства надписи в целом.

Поэтому кажется предпочтительным избрать другую возможность. Если в качестве третьего знака написана или по крайней мере имелась в виду η , то, учитывая итацистический разноречивый в византийской орфографии,⁸ получаем $\tau\omicron\eta = \tau\omicron\iota$ — усилительную частицу, которая подчеркивает тон неоспоримого утверждения, вполне уместный в легенде печати. Приняв это, читаем наконец:

$\text{Νεῖλου γραφὼν τοι ἡρὸς ὁ Στρατηλάτης,}$

т. е. буквально «Нила писаний утверждение воистину Стратилат», или, иначе: «Стратилат является воистину утверждением писаний Нила».

Не исключено, что первым толчком к добавлению усилительного $\tau\omicron\iota$ была потребность заполнить оказавшийся лишним слог, ибо надпись метрична: перед нами ямбический триметр, или, как говорит в таких случаях Лоран, правильный двенадцатисложник. Воспроизводя метр, можно передать легенду нашей печати таким образом: «Писаньям Нила Стратилат порука, так». Отметим, что корректный метрический характер надписи подкрепляет то ощущение свободного владения языком, которое трудно обосно-

⁵ Laurent V. Le corpus des sceaux de l'Empire Byzantin. Paris, 1963—1972, V₃, N 1749).

⁶ См., напр.: Банк А. В. Св. Феодор Стратилат. ., табл. 238—239, с. 320.

⁷ Le corpus. ., V₁₋₂, N 107, 745, 804, 1565.

⁸ См., напр.: там же, V₂, № 1412, где $\mu\acute{\alpha}\rho\tau\omicron\iota\varsigma$ стоит вместо $\mu\acute{\alpha}\rho\tau\omicron\varsigma$ или, чтобы не ходить далеко, написание ГН для передачи $\gamma\iota$ на лицевой стороне печати.

вать на столь незначительном тексте, каким бы безупречным он ни был.. Чтобы тем не менее оценить по достоинству силу этого соображения, приведем для сравнения текст византийской печати, которую Лоран датирует концом XIII в.:⁹

Νικήτα γραφεὶς χαρτοφύλακος δίδου

Κυριανῶ τὸ κῆρος αἴσιον, Κόρη,

где вразрез с античной просодией подчеркнутые нами гласные трактуются как долгие. В нашей надписи ничего подобного нет.

Текст печати, мы видим, несложен; слова понятны и даже обычны. Казалось бы, трудностей нет. Однако они скрываются за отсутствием некоторых важных, обычно представленных в легендах печатей, сведений. Мы ведь не находим здесь ни топографических данных, ни хоть какого-нибудь намека на то, кто такой был Нил, при имени которого нет никаких определений — ни социального состояния, ни чина или сана, или профессии, ни хотя бы простого патронима. Нет, просто изображенный на лицевой стороне Феодор Стратилат скрепляет «Ниловы писания». Отметим, что полное отсутствие какой-либо характеристики владельца печати несколько неожиданно; впрочем, и оно имеет аналогии: так, на печати Эрмитажа № М-4710 читается (в том же стихотворном размере) надпись:

οὐ σφραγίς εἰμι τὴν γραφὴν γινῶμι βλέπων

т. е. «кому я служу печатью, узнай, рассмотрев написанное». И вот нам думается, что «голое» имя «Нил» на печати имеет вид не скромный и бедный, а скорее внушительный и важный, как имя лица известного и занимающего выдающееся положение. По-видимому, указание на «Ниловы писания» должно было быть всем понятно и владелец печати не видит необходимости объяснить свой чин, сан, звание, титул. Так, например, могли ограничиваться одним только именем чем-нибудь прославившиеся византийские императоры: Константин, Феодосий, Юстиниан. Позднее называли их род, фамилию — Комнины, Палеологи. Однако и лица самого высокого положения — и императоры, и патриархи, выступая авторами важных государственных документов, всегда называли — в условной, торжественной форме — свое положение, хоть и находились на вершине иерархической лестницы.

Другое дело, что все эти видные, облеченные властью и высоким авторитетом лица могли писать и частные послания, а для скрепления их иметь личные печати, где можно было и не величать себя высокими титулами! Например, в XI в. на Руси такими были знаменитые печати Ратибора. На них только его имя — «от Ратибора» — и ничего более. К счастью, летопись достаточно ясно определила это лицо — крупного сановника вели-

⁹ Там же, VI, № 107.

кого князя Владимира Мономаха, деятеля южнорусского владения в Тмутарокани и помощника в делах на Руси.

Каковы же в перспективе того, что сказано, возможности дать атрибуцию этой, как нам представляется, по ряду особенностей исполнения, поздней и «солидной» печати? Как решается вопрос о происхождении этой буллы так называемого «греко-русского типа»?

О русском происхождении печати говорит то, что она, как и дублет 1977 г., найдена на русском городище; о том же говорят, так кажется, признаки неискusного подражания в изображении Феодора Стратилата, которые мы выделили выше. С другой стороны, печатям русского происхождения совершенно чужда метричность; это нередкое свойство византийских легенд вовсе не отразилось на легендах русской сфрагистики. Как примирить эти положения, вступающие как будто в противоречие в нашем случае? На наш взгляд, выйти из затруднения можно, предположив, что печать Нила представляет собой копию с византийской печати, сделанную на Руси в XIII—XIV вв. то ли малограмотным резчиком, то ли через посредство неграмотного образца (найденные дублиеты могли восходить к одной матрице или появиться в результате копирования стиравшихся от употребления образцов).

Далее. Печать Нила могла принадлежать только духовному лицу, так как лица светские на Руси уже с конца XI в. имели обычно русскую надпись на печати. Духовные лица имели в своем окружении людей, которые способны были составить добротную греческую надпись наподобие нашей.

Соединяя вместе намеченные выше предпосылки, учитывая и то, что Феодор Стратилат, объявленный покровителем Нила и его писаний, по всей видимости, должен быть как-нибудь связан с живым бытованием печати в историческом Киеве, можно со всей осторожностью высказать догадку, что Нил — игумен погибшего, как полагают археологи, в грозный для Киева 1240 г. Феодоровского Вотча монастыря, патроном которого естественно мыслить изображенного на лицевой стороне печати св. Феодора Стратилата.

Мы видим, однако, и другую возможность. Если печать, выходя за пределы Киевской Руси, принадлежит времени еще более позднему, а именно Киеву литовской поры, но еще русских киевских митрополитов, то можно попробовать приурочить ее к высочайшей персоне православной веры — к византийскому патриарху. Глава восточной христианской церкви, константинопольский патриарх Нил — единственный патриарх с таким именем — правил с 1380 по 1388 г. И если у Лорана¹⁰ мы находим его официальную печать, не его ли частная, личная печать оказалась каким-то образом в эти годы или несколько позже воспроизведенной в Киеве?

¹⁰ Там же, № 45.